

О. В. Приемко

УДК 398.83(476.7)+392.51(=161.3)

Кафедра теоретического и белорусского литературоведения, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ЛОКАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА БЕЛОРУССКОГО ФОЛЬКЛОРА: СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ ПИНЩИНЫ

В статье на примере свадебной обрядности Пинщины рассматриваются вариативные формы презентации регионального и общенационального в традиционной местной культуре. Отмечено, что если объектом исследования становится национальная традиция, то на первый план выдвигаются её конкретные локально-региональные формы как наиболее показательные в этническом плане. Исследование способствует формированию территориальных программ изучения локально-регионального в синхронии живого фольклорного процесса.

Ключевые слова: фольклор; белорусский фольклор; свадебный обряд; свадебная песня; локально-региональная парадигма; Пинщина.

Образец цитирования: Приемко, О. В. Локально-региональная парадигма белорусского фольклора: свадебные песни Пинщины / О. В. Приемко // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2025. – № 2. – С. 16–22.

O. Priemko

Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

LOCAL-REGIONAL PARADIGM OF BELARUSIAN FOLKLORE: WEDDING SONGS OF PINSHINA

Using wedding rituals from the Pinsk region as an example, this article examines the varied forms of representing regional and national aspects in traditional local culture. It is noted that when national tradition is the object of study, its specific local and regional forms are highlighted as the most representative of ethnicity. This study contributes to the development of regional programs for studying local and regional aspects within the context of living folklore.

Keywords: folklore; Belarusian folklore; wedding ceremony; wedding song; local-regional paradigm; Pinsk region.

For citation: Priemko, O. Local-Regional Paradigm of Belarusian Folklore: Wedding Songs of Pinshina. Sophia. 2025;2:16–22. Russian.

Автор:**Ольга Викторовна**

Приемко – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретического и белорусского литературоведения филологического факультета БГУ.

taikoza@mail.ru

Author:

Olga Priemko – Associate Professor of the Department of Theoretical and Belarusian Literary Studies, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Philological Faculty of BSU.

Свадебная обрядность белорусов во всей совокупности региональных и локальных форм – явление сложное, многоплановое. Собираателями XIX – XX веков накоплен богатый фактический материал, позволивший учёным выявить типологические моменты обряда в разных регионах. При этом обращалось внимание и на местные особенности функционирования того или иного этапа свадьбы, фиксировались песни, относящиеся к определённым эпизодам обряда. Но поэзия свадебного обряда чаще всего рассматривалась недифференцированно. Более того, если и появлялись публикации, в которых эстетический анализ поэтического текста занимал главное место, то исследование опять-таки ориентировалось на поиск, выделение и изучение национальных черт свадебной лирики белорусов. Необходимо учитывать, что национальное имеет конкретное региональное воплощение, а региональное, в свою очередь, реализуется как локальное. Поэтому полное представление о состоянии поэтической традиции белорусов можно получить, изучая локально-региональную парадигму (греч. *paradeigma* – образец, пример) свадебной поэзии, которая проявляется в жанрово-специфической композиции поэтических текстов, формульных способах и приёмах создания образов. Как вполне обоснованно заметил Н. Костомаров, «народная песня только тогда для нас получает вполне ясный смысл, когда нам становится известным: в каких местностях, при каких условиях жизни и народного быта она является, сохраняется, расходится, видоизменяется и исчезает» [10, с. 536]. Мы обратились к рассмотрению культурной традиции одного из регионов Беларуси – Западного Полесья, даже, конкретнее, одного микрорегиона – Пинского Полесья, исследовав исторически разнотадимальные свадебные песни (*Исследование проведено в рамках научно-исследовательской работы «Локально-региональные парадигмы белорусского обрядового фольклора: западнopolесские кустовые и свадебные песни», которая выполнялась в соответствии с Государственной комплексной программой научных исследований (ГПНИ) «История белорусской нации, государственности и культуры» в 2006–2010 гг. Результаты исследования были представлены в ряде публикаций (монографии, учебно-методические пособия, статьи в разных научных изданиях)*).

Интерес к пинскому региону не случаен. По мнению некоторых учёных, Пинщина является едва ли не ядром славянской парадигмы, поэтому изучение свадебных песен пинчуков позволяет выявить архаичные и даже праславянские элементы обрядовой культуры. Для анализа использованы опубликованные в разное время данные о пинском свадебном фольклоре, размещённые в специальных изданиях, журналах, газетах XIX–XX веков; материалы, сохранившиеся в архивах Национальной академии наук Беларуси, Российской академии наук (Санкт-Петербургское отделение), Института русской литературы (Пушкинский дом), Русского географического общества и архиве учебно-научной лаборатории белорусского фольклора Белорусского государственного университета, а также собственные записи автора.

Публикации пинского свадебного поэтического материала XIX века имеют такой существенный недостаток, как неполнота. Это объясняется тем, что в то время не существовало чётко разработанной методики собирания регионального материала, а собирательская деятельность велась любителями-энтузиастами и в большинстве случаев носила бессистемный характер. Если первые публикации свадебного фольклора центральной части Беларуси появились уже в начале XIX века, то свадебные песни Пинщины были обнаружены лишь в его середине. Сборником «Простонародные

песни пинского люда», изданным в Ковно в 1851 году, известный этнограф и фольклорист Ромуальд Зенкевич положил начало собиранию и изучению свадебного поэтического фольклора пинчуков [21]. В сборник вошло 219 фольклорных единиц, 70 из которых – свадебные песни, записанные в деревнях по рекам Пине, Припяти и Цне. Р. Зенкевич также включил в него описание некоторых игр и обрядов, в том числе свадебного. Сборник получил неоднозначную оценку учёных-фольклористов. Например, Е. Ф. Карский определил качество записей, сделанных исследователем, как неудовлетворительное, справедливо поставив в упрёк, что текстовый материал дан не на языке оригинала, а в переводе на польский язык. Однако Е. Карский подчеркнул, что всё-таки «по содержанию песни истинно белорусские» [8, с. 220]. Известный белорусский фольклорист Н. С. Гилевич считал, что при переводе Р. Зенкевич ещё и редактировал произведения, искажая и нарушая смысловые связи свадебной песни [3, с. 22]. К этим справедливым замечаниям можно добавить, что Р. Зенкевич, к сожалению, не конкретизировал географию собранного материала, в сборнике также отсутствует паспортизация фольклорных текстов. Несомненным же достоинством сборника Р. Зенкевича является то, что в сносках параллельно с польскими кальками приведены оригиналы произведений. Это позволило «услышать чистый голос» белорусской песни, которую фольклорист с глубоким уважением и симпатией называл «правдивым отражением души и сердца трудового народа» [21, с. 23]. Польские переводы песен пинчуков Р. Зенкевич размещал и в некоторых периодических изданиях («Радегаст» А. Киркора (1843), журнал Ю. Крашевского (1847)). Кроме того, им была написана отдельная статья под названием «Аб урочышчах і звычаях пінскага люду, а таксама аб характары яго песень», в которой Р. Зенкевич дал общую характеристику народных песен Пинщины [22].

Какую бы политическую оценку ни давали открытию в 1867 г. в Вильно отделения Русского географического общества, нельзя отрицать значения этого факта для интенсификации собирательской работы, что сказалось на количестве публикаций белорусского фольклора, в том числе свадебного. Фольклорно-этнографические исследования, проводимые на Пинщине, находили своё отражение на страницах местных губернских ведомостей. Публикации песен в местной печати отличались языковой точностью записей. И в этом нет ничего удивительного, ведь записи делались белорусами, хорошо знавшими родной язык и фиксировавшими его фонетические и лексические особенности.

Сведения о свадебной песенной поэзии пинчуков появились также в изданиях местных статистических комитетов: «Памятных книжках», «Трудах», «Сводах», «Записках» и других. Так, в «Памятную книжку Виленского генерал-губернаторства на 1868 год» офицер В. Быковский включил свадебные песни и описание свадебного обряда Пинского уезда. Судя по всему, офицер, которому это вменялось в обязанность, не очень ответственно подошёл к выполнению задачи по сбору материала, поскольку представленное им описание является сокращённым вариантом статьи Р. Зенкевича, помещённой в сборнике «Простонародные песни пинского люда», хотя В. Быковский уточнил место записи опубликованных им произведений – северо-восточная часть Пинского уезда.

Строго документированный пинский свадебный материал впервые появился в науке лишь спустя десять лет после публикации В. Быковского. Экспедиция Русского географического общества, возглавляемая П. П. Чубинским, записала свадебный

обряд и около 50 свадебных песен в деревне Плотница на Пинщине. Отчёт о работе этой экспедиции вошёл в IV том «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край» в 1877 году. Методика, разработанная П. Чубинским, основывалась на объективном взгляде на явления народной жизни и ориентировала собирателей на точную запись. Однако выводы исследователя об особенностях песен пинчуков порой были недостаточно обоснованы. Анализируя говор жителей Пинщины, П. Чубинский не рассматривал его как систему, поэтому исследователь «услышал» в нём больше малорусских (украинских) особенностей, чем белорусских [19, с. 644]. Конечно, украинский элемент проявляет себя. И особенно выразительно в фонетике песен. Это естественно в таком этническом регионе, как Пинщина, занимающем пограничное положение с Украиной. Но лексика и сюжетные ситуации произведений, как вполне справедливо отметил известный белорусский фольклорист И. К. Тищенко, «красамоўна сведчаць, што яны (песні)... маюць бяспрэчна беларускае паходжанне» [20, с. 144].

В 1890 году вышел из печати фольклорно-этнографический сборник «Пинчуки», материал для которого пинский священник Д. Г. Булгаковский собирал в 1870-х гг. Сборник содержит песни, описания обрядов, загадки, пословицы, поверья и словарь местного говора. Некоторые особенности поэтики песенного фольклора Пинщины рассматриваются в специальном разделе «Общие замечания о песнях пинчуков», где приводятся параллели из русской свадебной поэзии и из обрядового фольклора других регионов Беларуси. Д. Булгаковский в лучших традициях науки XIX в. с любовью говорил о народной песне, называя её «зеркалом народной жизни, в котором отражаются понятия и чувствования народа при разных обстоятельствах жизни его; здесь он виден бывает во всех состояниях» [2, с. 6].

Большинство авторов ограничивалось только собиранием материала и публикацией его с самыми элементарными примечаниями, без каких-либо научных комментариев. Первым научным изданием свадебных песен пинчуков можно считать книгу известного историка, этнографа и фольклориста М. В. Довнара-Запольского «Песни пинчуков», опубликованную в Киеве в 1895 году. Автор сам собирал материал для этой книги. Он побывал в деревнях Поречье, Озаричи, Краглевицы, Телеханы, Святая Воля, Доброславка и многих других, беседовал с исполнителями, записывал песни, сохраняя особенности местного произношения. В качестве предисловия к книге М. Довнар-Запольский поместил довольно большую и содержательную вступительную статью, в которой ввёл в научный оборот сведения о внеобрядовых связях пинского свадебного фольклора. Исследователь акцентировал внимание на особенностях бытования песен на Пинщине, отмечая, что «пинчуки чётко выделяют песни обрядовые, с прикреплением их к тем или другим обрядам» [5, с. IV]. Специфика культурной традиции Пинщины определяется даже поведенческими особенностями: для пинчуков-мужчин петь считалось неприличным. Учёный провёл лингвогеографическое исследование, определяя границы пинского говора и выделяя его фонетические особенности. В частности, он обратил внимание на функционирование следующих фонетических структур: особый твёрдый [э], употребление [у] вместо ударного [о], мягкий [ц], отсутствие «дзеканья» и «цеканья» и так далее. Особый интерес представляет фактический материал, собранный М. Довнаром-Запольским. Учёный записал 292 свадебные песни (с точным указанием места записи) и полностью зафиксировал свадебный обряд в Доброславской и Телеханской волостях Пинского уезда.

Записи и научные комментарии, сделанные М. Довнар-Запольским, а также другие материалы, собранные в XIX – XX веках, представляют собой хорошую фактологическую базу для проведения сравнительно-исторического и типологического анализа свадебной поэзии пинского региона, что позволяет проследить историю бытования разных жанров свадебного фольклора, зафиксировать степень изменения или устойчивости отдельных обрядовых деталей и поэтических элементов, определить характер связи между этими структурными компонентами.

Сбор материалов продолжался и во второй половине XX века: архивы пополнялись разнообразными свадебными песнями, бытующими на Пинщине. Однако издания сборников по пинскому свадебному фольклору были довольно редкими [1; 12; 13]. Общая фактологическая база настоящего исследования составила 1175 произведений, из них 218 собрано автором в деревнях Озаричи, Соколовка, Клетная, Лыща, Колодеевичи, Пинковичи Пинского района во время полевых экспедиций. Учитывая преимущественно описательный характер материала, бессистемность изложения, отсутствие целенаправленного его изучения, одной из первых задач, предвещающих исследование, мы посчитали систематизацию накопленного материала и его критический анализ. Кроме того, оказалось необходимо дать хотя бы краткую характеристику этнического состава населения Пинщины, определить границы территории пинчуков, провести картографирование.

Ареал пинской свадебной обрядности подразумевает распространение в чётких географических границах инвариантного свадебного обряда и сопровождающей его поэзии. Термин «пинский» географическими науками используется для обозначения конкретных территорий: «пинская возвышенность», «пинские болота» [9]. В фольклоре и этнографии такое определение также существует. Для описания поселений и анализа типов построек полешуков археолог Д. А. Мачинский использовал термины «пинский» и «туровский», указывая на различия в материальной культуре двух соседних регионов [11]. Историк А. С. Грушевский для определения локуса этнографических явлений и исторических событий использовал термин «Пинское Полесье», конкретизируя это понятие перечнем населённых пунктов, входящих в пинский ареал [4, с. 16]. О правомерности употребления термина «пинский» заявляли А. Киркор, Д. Шендрик, Э. Эйхвальд [7], однако ни один из исследователей не конкретизировал географию этого понятия. Лишь М. Довнар-Запольский, анализируя язык свадебных песен, указал конкретные границы пинского диалекта и, соответственно, границы пинского свадебного комплекса [5, с. VI]. Исходя из лексического материала, М. Довнар-Запольский на карте очертил восточный рубеж пинского говора, ограниченный Лахвинской, Лунинской, Плотницкой, Радчицкой волостями и деревней Бережное. Кроме того, фольклорист оговорил границы западной части Пинщины, заключающие деревни Поречье, Озаричи, Краглевицы, Телеханы, Святая Воля, и обозначил крайнюю географическую точку северной области пинчуков – деревня Выгоношты [5, с. VI]. Данные, позволившие исследователю выделить границы пинского ареала, подтверждаются материалами, приведёнными в «Слоўніку беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» [17].

Первые сведения о населении Пинщины встречаются у древнегреческого историка Геродота (около 485 – около 425 гг. до н. э.), который в своих сказаниях о Древней Скифии рассказывает о «вовколаках Невров». Как известно, многие исследователи считают, что «геродотовы Невры» жили к северу от Днестра у реки Пины [16]. Как

отмечают учёные, древнегреческому мыслителю Птолемею (около 90 – около 160 гг. н. э.) были известны Пенгиты (*Pienqitae*) – жители реки Пины («gitaе» означает «жители»; «pien» указывает на реку Пину и пинские болота). Река Пина упоминается также как место проживания древнейшего племени Будинов (Вудинов), где возникло древнеславянское племя дреговичей – обитателей огромного болота. Учёными было высказано предположение, что речь идёт о пинских болотах и, следовательно, пинчуки являются потомками дреговичей [6]. С течением времени население Припятского Полесья, по мнению учёных, смешивалось с тюркскими народностями, с ятвягами (литовцами) и германцами [15, с. 173]. Вследствие этого по физическому строению, языку и одежде пинчуки отличаются от жителей других регионов Полесья. Антропологический анализ населения Пинщины, проведённый исследователями XIX века и подтверждённый группой современных учёных [18, с. 157], позволил сделать вывод об особенностях пинской этнотерриториальной группы: «Пинчук среднего роста, широкоплеч, плотного сложения, с широким круглым лицом, более скуластым, с небольшим толстым носом. Цвет волос преобладает светло-русый». Это отличает пинчуков от населения, например, Восточного Полесья – «народа более крупного, высокого роста, хорошо сложенного, с черными волосами» [18, с. 157].

Таким образом, говоря о пинчуках, мы имеем в виду жителей западной части Полесья. Это одна из наиболее заметных территориальных групп Полесья, имеющая присущие только ей физические характеристики, говор, обычаи, песни и занимающая обширную территорию, ограниченную деревнями:

- на востоке – Бобрик, Богдановка, Лунин, Стахово, Дубой;
- на западе – Семеховичи, Кончицы, Поречье, Озаричи;
- на севере – Выгоношты, Бобрик, посёлок городского типа Телеханы;
- на юге – Радчицк, Городная, Свирицевичи, Кухче, Нобель.

Этнографические границы Пинщины не совпадают с современными административными рамками, более узкими и имеющими чётко очерченные границы. Поскольку этнографические границы превалируют над административными, в настоящее исследование были включены широкие аналогии и сопоставления в пределах исследуемого региона. За счёт этого повышается научно-практическое значение работы. Свадебная поэзия Пинщины таким образом включается не только в полесский комплекс и другие регионы Беларуси, но и в общеславянский ареал [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беларускі фальклор у сучасных запісах : традыцыйныя жанры : Брэсцкая вобласць / склад. В. А. Захарава ; пад рэд., прадм. Р. Р. Шырмы. – Мінск : Выд-ва Бел. дзярж. ун-та, 1973. – 301 с.
2. Булгаковский, Д. Г. Пинчуки : этнографический сборник : песни, загадки, пословицы, обыряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверия и местный словарь / Д. Г. Булгаковский // Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. 13, вып. 3. – СПб., 1890. – 200 с.
3. Гілевіч, Н. С. Наша родная песня : навукова-папулярны нарыс / Н. С. Гілевіч. – Мінск : Нар. асвета, 1968. – 212 с.
4. Грушевский, А. С. Очерк истории Турово-Пинского княжества X – XIII вв. // Пинское Полесье : исторические очерки / А. С. Грушевский. – Киев, 1901. – 482 с.
5. Довнар-Запольский, М. В. Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов / М. В. Довнар-Запольский. – Вып. 1: Песни пинчуков. Университетские известия за 1895. – Киев : Типография Императорского Университета, 1896.

6. *Довнар-Запольский, М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891. – 170 с.
7. Живописная Россия : Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ ред. П. П. Семенова. – Т. 3, ч. 2: Белорусское Полесье. – СПб. ; М., 1882. – С. 235 – 490.
8. *Карский, Е. Ф.* Белорусы / Е. Ф. Карский. – Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. – М., 1916. – 560 с.
9. Карта почв // Атлас Белорусской Советской Социалистической Республики. – Минск : Акад. наук БССР ; М. : Главное управление геодезии и картографии СССР, 1958. – 140 с.
10. *Костомаров, Н. И.* Великорусская народная песенная поэзия / Н. И. Костомаров // Вестник Европы. Кн. 6, 1872. – С. 537–587.
11. *Мачинский, Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии / Д. А. Мачинский // Русский Север : Проблемы этнографии и фольклора. – Л. : Наука, 1981. – С. 110–171.
12. Палескае вяселле / уклад. і рэд. В. А. Захаравай. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 303 с.
13. *Пашкова, Г. Т.* Етнокультурні зв'язки українців та білорусів Полісся: на матеріалах весільної обрядовості / Г. Т. Пашкова. – Київ : Наукова думка, 1978. – 117 с.
14. *Прыемка, В. В.* Лакальна-рэгіянальныя асаблівасці беларускіх вясельных песень: Піншчына / В. В. Прыемка. – Мінск : Рэсп. ін-т выш. шк., 2010. – 115 с.
15. Россия. Полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей / под общ. ред. В. П. Семенова. – Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. – СПб., 1905. – 619 с.
16. *Рыбаков, Б. А.* Геродотова Скифия : историко-географический анализ / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1979. – 247 с.
17. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / рэдкал. Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986.
18. *Тегако, Л. И.* Антропология Белорусского Полесья / Л. И. Тегако, А. И. Микулич, И. И. Саливон; под ред. Т. И. Алексеевой. – Минск : Наука и техника, 1978. – 157 с.
19. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-Западный отдел : Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. Т. 4: Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны. – СПб., 1877. – 713 с.
20. *Цішчанка, І. К.* Да народных вытокаў: збіранне і вывучэнне беларускага фальклору ў 50–60-я гады XIX ст. / І. К. Цішчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 246 с.
21. *Piosenki gminne ludu Pińskiego / zbierał i przekładał R. Zieńkiewicz.* – Kowno, 1851. – 415 s.
22. *Zieńkiewicz, R.* O uroczyskach i zwyczajach ludu Pińskiego oraz o charakterze jego pieśni / R. Zieńkiewicz // Biblioteka Warszawska. – Warszawa, 1852. T. 1.